

Среди книг, написанных
о Бродском, эта — одна
из лучших. В ней слышно
его дыхание, прямая речь.

Людмила Улицкая

Прогулки с Бродским и так далее

СОРРVS

*Иосиф Бродский
в фильме Алексея Шишова
и Елены Якович*

Елена Якович
Прогулки с Бродским
и так далее. Иосиф
Бродский в фильме Алексея
Шишова и Елены Якович

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22065702

*Якович, Е. Прогулки с Бродским и так далее. Иосиф Бродский в фильме
Алексея Шишова и Елены Якович: АСТ : CORPUS; Москва; 2016
ISBN 978-5-17-092115-7*

Аннотация

Документальный фильм «Прогулки с Бродским» был снят в 1993 году в Венеции режиссерами Алексеем Шишовым и Еленой Якович и получил первую в истории премию ТЭФИ. Этот фильм, первый и единственный, где нобелевский лауреат на родном языке обращается с экрана к российским зрителям, смотрела по телевидению вся страна. Книга «Прогулки с Бродским и так далее» – захватывающий рассказ Елены Якович о тех нескольких днях в Венеции, когда Иосиф Бродский и его друг поэт Евгений Рейн, беседуя, гуляли по городу каналов вместе с создателями фильма. Автор представляет здесь полную версию текстов Бродского из этой уникальной съемки, а также

сделанные с его разрешения диктофонные записи. Это, по-видимому, последние неопубликованные тексты Бродского. В книгу включены фотографии из архивов друзей поэта и кадры из фильма «Прогулки с Бродским». Все фотографии публикуются впервые. *Прямая речь Е.Б. Рейна исключена из книги по не зависящим от издательства причинам.*

Содержание

Предисловие	6
Слова благодарности	8
Прогулки с Бродским и так далее	9
«Дело» Бродского на Старой площади	11
Венецианский лабиринт	23
Набережная неисцелимых	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Елена Якович

Прогулки с Бродским

и так далее

© Е. Якович, 2017

© А. Шишов, наследники, 2017

© Фонд по управлению наследственным имуществом Иосифа Бродского. Воспроизведение без разрешения Фонда запрещено

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Издательство *CORPUS* ®

Предисловие

В ноябре 1993-го мы провели целую неделю с Бродским в Венеции, где снимали фильм, который был назван «Прогулки с Бродским» и получил первую в истории премию ТЭФИ в день его рождения 24 мая 1995-го – как оказалось, последний. Вышло так, что это единственный фильм, где нобелевский лауреат на родном языке напрямую обращается к российскому зрителю. И с каждым годом, с каждым днем его мысли, его слова обретают все более глубокий, все более пронзительный смысл, словно время пытается догнать Бродского...

Книга «Прогулки с Бродским и так далее» – это полная версия той уникальной съемки, поскольку в фильм вошла лишь часть разговоров с ним. К тому же, когда камера была выключена, Иосиф Александрович разрешил пользоваться диктофоном. Сохранившиеся четыре кассеты – по-видимому, последние его неопубликованные тексты.

Венеция тогда была выбрана почти случайно. Мы знали, что он очень любил этот город, приезжал сюда каждый год, написал о Венеции свое знаменитое эссе «Набережная неисцелимых». И все же были в его жизни и другие любимые города – Нью-Йорк, Амстердам, его родной Питер.

Спустя три года после съемок Иосиф Александрович умер в Нью-Йорке, но был похоронен в Венеции, на «Острове

мертвых», на кладбище Сан-Микеле, рядом со Стравинским и Дягилевым, как и он – изгнанниками, как и он – прославившими Россию на весь мир. С тех пор «Прогулки с Бродским» приобрели новый, мистический смысл, поскольку он гуляет по городу, который станет его последним пристанищем.

И как сказал он сам, «мы уходим, а красота остается, ибо мы направляемся в будущее, а красота есть вечное настоящее».

Елена Якович

Слова благодарности

Фильм не был бы возможен без участия друга Бродского поэта Евгения Рейна. Всегда ему за это благодарна.

Спасибо Евгению Сидорову, Юрию Львову, Лие Лучниковой – за то, что поддержали нас в 1993-м. Без них съемки могли бы не состояться.

Благодарю Татьяну Андриасову и Наталию Зачесову – за то, что помогли мне справиться с собой и преодолеть страх перед этим текстом. И Александра Крюкова – за то, что превратил кадры из фильма в фотографии.

И конечно, благодарю Варю Горностаеву, Иру Кузнецову, Андрея Бондаренко за пристальное внимание к книге и за помощь в ее создании.

Прогулки с Бродским и так далее

*Памяти Алексея Шишова посвящается
Вопрос: А может ли тупик быть выходом?*

*И.Бродский: Тупик – всегда выход.
(из диктофонной записи)*

«Вот если вы сейчас туда пойдете, вы увидите, как их кладут в похоронную гондолу. Это буквально десять шагов», – сказал Бродский. Он стоял у церкви, мы собирались войти внутрь – он в очередной раз хотел показать нам какую-то гениальную живопись. Почему-то это никогда не получалось, словно Венеция не пускала, не отпускала от своих фасадов и каналов. Площадь постепенно наполнялась нестерпимым колокольным звоном. «Как красиво», – сказал Иосиф Александрович. Съемка еще не началась, но камера была включена и зафиксировала его слова про похоронную гондолу, его лицо. Только что он предупредил: «Не снимайте, там похороны», и тут же: «Идите». И мы пошли, вернее, побежали за похоронной процессией до самой лагуны. На волнах качались не гондолы – два катера; на один поставили гроб и засыпали цветами, в другой сели близкие. Они уплывали к красной кирпичной стене «Острова мертвых», кладбища Сан-Микеле, пока не превратились в две точки посреди бескрайней «венецианской водички».

Черную похоронную гондолу мы увидели потом – в Морском музее Венеции, куда Бродский нас привел.

Перед началом съемок я спросила Иосифа Александровича, можно ли пользоваться диктофоном, когда камера выключена. Он разрешил. Этот диктофон фирмы *Sony* и теперь у меня, допотопный сегодня, предмет гордости тогда – квадратный, громоздкий, с кассетами на вес золота, выданный «Литгазетой».

Из диктофонной записи:

Ну, для меня любимый композитор – такой, чтобы я не уходил от него всю жизнь, – это Гайдн. И Моцарт, конечно. Вот еще в этом доме жил замечательный господин, у него есть знаменитое адажио – Чимароза. Он тут и жил. А самая моя любимая музыка – это Сидней Беше, «Маленький цветок». У Доницетти совершенно замечательная «Лючия ди Ламмермур». Вот если умру, я хотел бы, чтобы там это играли. «Если умру»! Когда.

С тех пор я не была в Венеции. Не могла. И на могилу его не ездила.

«Дело» Бродского на Старой площади

И.Бродский. «Их было пятеро» – это гениально. Вот оттуда все и пошло, между прочим. Там была главная сцена в этом фильме... Это такие какие-то французы, которые участвовали в войне, в Сопротивлении, и так далее, и так далее. Они через некоторое время после войны встречаются, в шесть часов после – в кабаре, которым один из них, из этих пятерых, заведует. То есть первый – вполне преуспевающий владелец кабаре, другой – аристократ, третий – я уже не помню что, четвертый – жулик, а пятый – маленький такой лейтенантик, который потом уехал воевать в Алжир. И вот все это происходит в кабаре у их друга, и маленький лейтенантик – это то, что в некотором роде предопределило мое поведение на этом свете, – он вылезает, уже немножечко подпив, на эстраду и принимается читать стихи – Валери, если я не ошибаюсь. Ему начинают орать, сгонять, возникает драка. А он читает совершенно таким нейтральным голосом замечательные стихи. И вот это отношение, когда ты читаешь стихи, а в зале происходит уже полная ночь из-за того, что ты это делаешь, – вот это, по-моему, самая интересная тема.

(первая запись на съемках)

Как это вообще могло случиться? Как вышло, что в ноябре 93-го мы провели в Венеции съемочную неделю с ним и потом вместе с Лешей Шишовым сделали «Прогулки с Бродским»? Думаю, он этого захотел. Захотел фильм о себе – для России, куда не собирался возвращаться, для своих русских читателей. А мы просто стали проводниками.

Все началось с полосы в «Литературной газете» от 5 мая 1993 года «„Дело“ Бродского на Старой площади». Вот она у меня в руках, эта пожелтевшая от времени полоса.

Тогда открывались разные засекреченные документы из архивов, в том числе из архива ЦК. Его даже переименовали в ЦХСД – Центр хранения современной документации. Позвонил оттуда знакомый: «Чего хочешь посмотреть?» Я сказала: «Что-нибудь по Бродскому, если есть». Все-таки не все выводилось на уровень ЦК. Бродского выводили.

Собственно его «дела» как такового там не было – но два витка, два круга «высочайшего внимания» к тому, кто «выдавал себя за поэта-переводчика». Один, 1964–1965 годов, был связан с тем, что «осуждение Бродского вызвало различные кривотолки в среде творческой интеллигенции» дома и за железным занавесом.

И второй – 1987 года. Удивительная переписка партийных руководителей по поводу вручения ему Нобелевской премии. Они тогда не знали, что с ним делать, – с одной стороны, в стране полным ходом шла перестройка, с другой – они по инерции всерьез обсуждали, давать ли информацию

о вручении Бродскому Нобелевской премии в советской печати, и если давать, то на сколько строк.

Документов по «ленинградскому делу» было всего два, но они многое говорили о времени и о судьбе. И о людях, фамилии которых были выделены в них заглавными буквами.

ЦК КПСС

Секретно

20 мая 1964 года.

...Члены Союза писателей Л. ЧУКОВСКАЯ, Р. ОРЛОВА, Л. КОПЕЛЕВ оценивают процесс над БРОДСКИМ как «рецидив печально известных методов произвола»...

Поэт Е. ЕВТУШЕНКО, прочитав материалы ВИГДОРОВОЙ, заявил, что процесс над БРОДСКИМ пахнет фашизмом, нарушается законность.

С. МАРШАК, К. ЧУКОВСКИЙ и Д. ШОСТАКОВИЧ принимали меры к защите БРОДСКОГО, к которому, по их мнению, суд отнесся несправедливо...

Следует отметить, что наиболее активно муссируются слухи вокруг дела БРОДСКОГО в кругах творческих интеллигентов еврейской национальности.

Вследствие достаточно широкого распространения материалов ВИГДОРОВОЙ, они стали достоянием зарубежной прессы...

Комитет Госбезопасности принимает меры по розыску лиц, способствовавших передаче

тенденциозной информации по делу Бродского за границу.

Председатель Комитета госбезопасности
В. Семичастный

В деревне Норенской ссыльный Бродский пас телят (плохо, по всем отзывам: «и телята за версту чувствуют интеллигентного человека») и писал свои лучшие стихи. В Москве по указанию Отдела культуры ЦК, скрепленному визами Андропова, Демичева, Ильичева, Подгорного, Козлова (почти всё Политбюро), Союзы писателей СССР и РСФСР вместе со своим московским отделением обсуждали «вопрос о нездоровых явлениях и фактах антипатриотического поведения отдельных литераторов», посмевших встать на его защиту.

Затем бумага Семичастного была сдана «в архив».

В архиве ЦК навечно сохранилось и личное письмо Сартра Микояну – благодаря тому, что поэт и секретарь Союза писателей Алексей Сурков, получивший это письмо от Сартра для передачи адресату, направил его копию «секретарю ЦК КПСС тов. Демичеву П.Н.».

17 августа 1965 года, Жан-Поль Сартр,
222, бульвар Распай, Париж
Господин Президент,

Я беру на себя смелость обратиться к Вам с этим письмом лишь потому, что являюсь другом Вашей великой страны. Я часто бываю в Вашей стране, встречаю многих писателей и прекрасно

знаю, что то, что западные противники мирного сосуществования уже называют «делом Бродского», представляет собой всего лишь непонятное и достойное сожаления исключение. Но мне хотелось бы сообщить Вам, что антисоветская пресса воспользовалась этим, чтобы начать широкую кампанию, и представляет это исключение как типичный для советского правосудия пример; она дошла до того, что упрекает власти в неприязни к интеллигенции и в антисемитизме. До первых месяцев 1965 года нам, сторонникам широкого сопоставления различных культур, было просто отвечать на эту недобросовестную пропаганду: наши советские друзья заверили нас, что внимание высших судебных органов обращено на случай с Бродским и решение суда должно быть пересмотрено. К сожалению, время шло, и мы узнали, что ничего не сделано. Атаки врагов СССР, являющихся и нашими врагами, становятся все более и более ожесточенными. Например, хочу отметить, что мне неоднократно предлагали публично высказать свою позицию. До настоящего времени я отказывался это сделать, но молчать становится столь же трудно, как и отвечать.

Я хотел поставить Вас в известность, господин Президент, о беспокойстве, которое мы испытываем. Мы не можем не знать, как трудно бывает внутри любой общественной системы пересматривать уже принятые решения. Но, зная Вашу глубокую человечность и Вашу заинтересованность в усилении культурных связей между Востоком и Западом в рамках идеологической

борьбы, я позволил себе послать Вам это сугубо личное письмо, чтобы просить Вас во имя моей искренней дружбы к социалистическим странам, на которые мы возлагаем все наши надежды, выступить в защиту очень молодого человека, который уже является или, может быть, станет хорошим поэтом.

Благодарю Вас, господин Президент, за Ваше благосклонное внимание и прошу Вас принять заверения в моем высоком уважении.

Жан-Поль Сартр.

Все приличия соблюдены, реверансы сделаны. Писал человек, знающий законы высокой политики, язык дипломатии. Но сквозь все это просвечивает простая мысль: да отпустите же его, наконец. Иначе я заговорю. А у вас Европейский форум писателей на носу. Его и отпустили – уже в сентябре Бродский вернулся в Ленинград из архангельской ссылки.

За год до того, в 1964-м, Жан-Поль Сартр был удостоен Нобелевской премии по литературе и отказался ее принять.

Прошло почти четверть века, и человек, «который, может быть, станет хорошим поэтом», стал нобелевским лауреатом. Это была проблема. И новый виток переписки между КГБ и ЦК.

27 октября 1987 года тогдашний глава Госбезопасности В. Чебриков шлет сигнал товарищу Лигачеву – «на 5 листах секретно и выдержки из произведений на 3 листах, несекретно».

Секретные страницы – биография Бродского (очень подробная) с завершающим аккордом:

Западная пропаганда изображает Бродского «лучшим русским поэтом, которого в СССР травили в печати, судили, заключили в тюрьму, ссылали и вынудили покинуть родину». При этом Ленинград, где он родился, пытаются представить «колыбелью тоталитаризма», а его самого – «символом конфронтации между тиранией и поэзией». Присуждение Бродскому Нобелевской премии является провокационным политическим актом реакционных кругов Запада...

К документу приложены три «несекретные» страницы стихов Бродского – выбор КГБ. Из «Лесной идиллии», «Части речи» и «Конца прекрасной эпохи». И еще «На смерть Жукова».

Дальше они начинают играть в поддавки друг с другом, вести тонкую аппаратную игру: с одной стороны... с другой стороны... Ждут его Нобелевской речи.

Посольство СССР в Швеции считает целесообразным воздержаться на данном этапе от комментариев по поводу решения Шведской академии. Отдел культуры ЦК КПСС разделяет мнение посольства. В канун 70-летия Октября комментарии по этому поводу могут лишь отвлечь внимание от главных вопросов дня.

А время уже ведет свою игру, и на весах вечности главный

вопрос дня – его Нобелевка.

И после ноябрьских праздников становится очевидным, что мировая общественность не понимает, почему в Советском Союзе «даже не сообщили о присуждении Нобелевской премии И. Бродскому». И вот 11 ноября 1987-го – и месяца не прошло – на самом высоком уровне принимается наконец решение не только сообщить, но и разрешить журналу «Новый мир» напечатать его стихи...

В общем, я сделала целую полосу этих документов для «Литгазеты» с комментариями Олега Чухонцева, заведовавшего поэзией в «Новом мире» в 1987-м. Именно он незадолго до Нобелевской премии собрал и на исходе того года, в декабрьском номере сумел опубликовать первую подборку Бродского в «возлюбленном отечестве». Это был вызов и брешь в железном занавесе: лет шестьдесят ни один из писателей-эмигрантов при жизни не печатался в СССР...

Чухонцев рассказывал, как это вышло. Он познакомился с Иосифом Александровичем весной восемьдесят седьмого в Нью-Йорке на Конференции по мировой литературе. Приехавшие из России писатели представляли там отечественную словесность вместе с «изгнанниками» – Синявским, Эткин-дом, Томасом Венцловой, Бродским и впервые смогли сесть с ними рядом, одной общей делегацией. Вернувшись в Москву, он сразу же занялся подборкой Бродского и хотел поставить ее в сентябре, на открытие сезона, но в журнале попросили перенести эти стихи на декабрьский номер – подаль-

ше, под занавес года. Итак, в октябре все было сверстано, но тут Залыгин, новомирский редактор «времен перестройки и гласности», сообщил, что ответ «оттуда» – печатать или не печатать – обещали дать только после ноябрьских праздников. В общем, они перестали успевать даже в последний номер восемьдесят седьмого, и Чухонцеву уже по чисто технологическим причинам было предложено отодвинуть Бродского на февраль будущего года. А там с январского номера 1988-го начиналась другая скандальная, отшумевшая тридцать лет назад «нобелевская история» – впервые на родине печатали «Доктора Живаго» Пастернака. Чухонцев понял, что публикация Бродского может вообще не состояться, и дал интервью «Московским новостям»: чем больше гласности, тем больше шансов. Но выйти вовремя это интервью не успело. Потому что 10 ноября Залыгин сделал «контрольный звонок», и ему ответили: подождите день, другой...

Так и представляешь, как два уважаемых человека, Залыгин и Чухонцев, сидят в новомирском кабинете и ждут, чтобы в отечестве разрешили напечатать только что получившего Нобелевскую премию русского поэта.

Долгожданный звонок раздался 11 ноября.

Как сказал Чухонцев, шахматными фигурами была сыграна шашечная партия. И ходы были простыми. Чтобы мы не ослепли от внезапного солнечного света, они снимали повязку с глаз постепенно и, как им казалось, по плану – марлю за марлей. Готовили общество. Больного же готовят. Но они

и себя готовили, вот что интересно...

Ну, а ситуацию середины шестидесятых и роль письма Сартра в освобождении Бродского из ссылки я обсудила с Евгением Рейном, его другом и очевидцем тех событий. И одновременно возникла бредовая идея: а не попросить ли самого Бродского прокомментировать документы из архива ЦК? Раздобыли его домашний телефон, трубку взяла его жена Мария и сказала, что он сейчас в гостинице, потому что, когда пишет, иногда живет в гостиницах, и дала телефон.

Так я впервые услышала его голос.

Бродский очень вежливо ответил, что единственный комментарий, который он может дать, что это не заслуживает никакого комментария. Он думает, потому все это и развалилось, что на таком высоком уровне люди занимались такими пустяками. Но ни удивляться, ни злорадствовать, ни тем более возмущаться по этому поводу не собирается. (Это дословно, я тогда записала.)

Я спросила его, не скажет ли он несколько слов про «Литературную газету». Он сказал что-то вроде: «„Литгазета“ – хорошая газета». И номер вышел с этой большой шапкой на первой полосе! Прямо над профилями Пушкина и Горького.

И вот в том телефонном разговоре я вдруг спросила: «Можно мы снимем про вас фильм?» Он вежливо ответил: «Ну, как-нибудь...» Явно, чтобы отвязаться.

Но в начале девяностых все казалось возможным. И когда я приехала к Рейну визировать материал, то сказала: «Давай-

те снимем кино про Бродского». Почему-то мы не обсуждали, согласится ли он, а только: где снимать. Сошлись на Венеции: там красиво, к тому же есть эссе Бродского «Набережная неисцелимых», вот и готовый сценарий (это нам тогда так казалось).

Диспозиция была такова: Алексей Шишов только что перешел из «Литгазеты» в Останкино, на телевидение, а я стала пресс-секретарем Евгения Юрьевича Сидорова, недавно назначенного министром культуры.

И вот все написали Иосифу Александровичу письма. Рейн написал свое, личное; Сидоров свое – от имени министра культуры; Алеша организовал письмо с телевидения. В мае 1993-го положили все это в большой пакет и отправили дипломатической почтой. Никто нам, конечно, не ответил. Как потом выяснилось, письма вообще не дошли. Потому что в Нью-Йорке ему позвонили из нашего представительства в ООН и сказали: Вам тут пакет из Минкульта, придите, пожалуйста, заберите...

Но мы-то этого не знали.

Прошло два месяца. Я случайно встретила Рейна: он шел в поликлинику Литфонда у метро «Аэропорт». Помню, я сказала ему: «Ваш друг, конечно, гений. Но если ему пишет министр культуры России, он может ответить хотя бы „нет“». – «И вправду», – задумался Рейн. Вечером мы с ним встретились в Минкульте, и он Бродскому позвонил. И

вдруг Иосиф Александрович очень легко и просто согласился: «Буду в Италии в октябре. Тогда и приезжайте». Вот тут стало по-настоящему страшно.

Через месяц он прислал факс на английском: согласен участвовать в фильме. И размашистая подпись:

Josef Brodsky

Но я так боялась ему позвонить, чтобы окончательно договориться, что в конце концов он сам позвонил Рейну: «Ну, вы едете или нет, а то я уезжаю в Италию, и вы меня не найдете».

До последней минуты мы не знали, едет Бродский в Венецию по своим делам, повидаться с Рейном или сниматься. Потому что мы тогда понятия не имели, что он в этом смысле человек абсолютно западный и, договорившись о фильме, едет работать.

Венецианский лабиринт

В Венецию мы приехали на пару дней раньше и стали ждать.

И, как это ни странно, первый раз встретились с ним почти случайно, на площади Сан-Марко. Мы знали, что в этот день Бродский должен был приехать, и Рейн исчез для встречи с ним. Вечером мы сидели с Алексеем в открытой колоннаде знаменитого кафе «Флориан». И вдруг Леша говорит: «Слушай, там, кажется, Бродский». Со своего места он сквозь окно видел, что происходит внутри кафе, а там сидел Рейн как-то необычно одетый, в костюме и галстук, то есть при полном параде, и с кем-то разговаривал. Леша тихонечко пошел посмотреть и вернулся на не гнущихся от волнения ногах, потому что там и вправду был Бродский. Дальше нужно было срочно решать, что делать: либо немедленно уходить оттуда, чтобы на следующий день быть ему официально представленными, либо оставаться. Мы подумали: будь что будет, и остались. Через некоторое время Рейн с Бродским вышли прямо на нас. Евгений Борисович воскликнул: «О, это как раз те самые ребята, о которых я тебе рассказывал». – «Ну, хорошо, – сказал Бродский. – Тогда до завтра, у „Флориана“». У него было очень спокойное и уверенное лицо, а у Рейна – очень взволнованное. А потом они повернулись и пошли, и у Рейна была такая широкая и защищенная спина,

а у Бродского – беззащитная.

Наутро мы встретились у «Флориана», за элегантным уличным столиком посреди обычного для Сан-Марко венецианского голубинового моря. Видимо, он устроил нам некоторую «проверку на вшивость». Спросил: «А кто будет платить?» – «Ну, конечно мы, но так будет далеко не всегда, когда-нибудь деньги кончатся». Он кивнул, кажется, остался доволен. Во всяком случае, когда мы стали ему что-то говорить про сценарий и дрожащими руками показывать какие-то наброски, он посмотрел на нас внимательно и сказал: «Меня не надо бояться. Просто пойдем гулять по Венеции, я вам все покажу, а там что выйдет».

Так началось наше головокружительное блуждание по венецианскому лабиринту. Поспеть за ним было невозможно, так стремительно он двигался. Перед ним спиной бежал наш оператор Олег Шорох. На бегу все и происходило. Фильм снимался абсолютно не по правилам. Вообще-то кино так не делается, хотя кто знает, как оно делается.

Лабиринт построил древнегреческий герой Дедал, чтобы спрятать Минотавра, которого Пасифая родила от быка. Он построил первый воздухоплавательный аппарат. Он построил крепости в Сицилии. Он построил все! Изобрел пилу... Из-за этого ему пришлось бежать из Афин, потому что у него как бы был соперник, который тоже утверждал, что это он пилу придумал, и Дедал его убил в драке. Естественно, их вызвали в ареопаг, выслушали, Дедал был не очень

убедителен и погорел. Его приговорили к смертной казни, он бежал. Его привели в движение!

(из диктофонной записи)

Мы оказались внутри лабиринта – «преследуешь ты какую-то цель или бежишь от себя», – построенного Бродским в «Набережной неисцелимых». «Нет, это все так и есть, – сказал Бродский. – Я ничего не придумывал, ничего. Как говорит Чеслав Милош в таких случаях, я его спрашивал про какие-то стишки, он говорит с этим своим акцентом: „Стриктли аутентик“. То есть это абсолютно аутентично».

Набережная неизлечимых

Мелкий дождь смешался с туманом. Ветер задувал микрофон. В сумке лежал апрельский номер журнала «Октябрь» за 1992 год с формуляром литгазетовской библиотеки – первая публикация на русском «Набережной неизлечимых». Бродский вел нас туда. Хотя набережную переименовали: венецианцы не хотят больше помнить о чуме, пожиравшей их город. И таблички с таким названием там нет. Но она как-то сохранилась в одном из прилегающих переулков. *Fondamenta degli incurabili.*

Мы стояли под этой табличкой, колокольный звон едва доносился с другого берега, с острова Джудекка, тонул в лагуне. «Я вот жил на том берегу, по-моему, в четырех местах, – говорил Бродский. – Замечательно здесь. То, что нужно для творчества... Там Реденторе – церковь Спасителя. Вечером они ужасно красиво освещены все. И это не просто вымысел мой кошачий. А вот святой Егорий побеждает непонятно кого. „Копье в горниле аллегорий“. Да, да. Это „Литовский дивертисмент“...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.